

А. А. ЗИМИН

Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»?

Вопрос о времени написания А. М. Курбским «Истории о великом князе Московском» ставился в литературе. Уже Н. Г. Устрялов обратил внимание, что «последние жертвы, о коих упоминается Курбским, были Воротынский, Морозов, Феодорит. Они погибли в 1577 и 1578 году». Поэтому сочинение Курбского «содержит в себе историю жизни Иоанна IV от самого детства его до 1578 года».¹

Очень интересны были соображения И. Н. Жданова, не вызвавшие, к сожалению, сочувственного отклика в литературе. Он отметил, что Устрялов допустил грубую хронологическую ошибку: Воротынский и Морозов погибли в 1573, а не в 1577—1578 гг. «История о великом князе Московском», по мнению Жданова, написана Курбским вскоре после 1573 г. и находилась в связи «с толками о выборе Ивана в короли польские».²

Наибольшее распространение по интересующему нас вопросу получила точка зрения А. Н. Ясинского. Ясинский правильно заметил, что во время написания «Истории» Петр Васильевич Морозов был жив,³ а так как умер он в 1580 г., то это произведение не могло появиться позднее этого года. В «Истории» Курбский ссылается на свое предисловие к Новому Маргариту.⁴ В этом последнем произведении автор жалуется, что его лукавые соседи хотят его самого убить, а имущество отнять. А так как в 1575 г.⁵ Андреем Вишневецким совершен «наезд» на Ковельскую землю Курбского, то и предисловие к Новому Маргариту (а следовательно, и «История») не могло, по мнению Ясинского, появиться ранее этого времени. Если бы, к тому же, «История» была написана после потери Иваном IV Полоцка (1579 г.), то об этом бы князь Андрей не преминул упомянуть в своей «Истории». Все это дает основание Ясинскому датировать «Историю о великом князе Московском» примерно 1576—1578 гг.⁶

Некоторые коррективы к построению Ясинского попытался сделать Л. М. Сухотин. Он обратил внимание, что в мортирологе Курбского как

¹ Н. Г. Устрялов. Сказания князя Курбского, изд. 3-е. СПб., 1868, стр. XXXIII.

² Сочинения И. Н. Жданова, т. 1. СПб., 1904, стр. 158.

³ «Ныне, последи, слышах о Петре Морозове, аки жив есть» (РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, стлб. 303).

⁴ «Вкратце вспомянул о сем в предисловии от нас написанном на книгу словес Златоустовых, глаголемую Новый Моргарит» (РИБ, т. XXXI, стлб. 275).

⁵ Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни, т. I. Киев, 1849, стр. 54—71.

⁶ А. Н. Ясинский. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889, стр. 105—107.

будто отсутствуют лица, казненные осенью 1575 г.⁷ Поэтому он поставил вопрос, «не писал ли Курбский „Историю“ несколько раньше, чем определяет Ясинский, может быть в 1575 году».⁸ Но, с другой стороны, тот же Сухотин полагал, что Курбский мог и учесть казни 1575 г.; Грозный, говорит Курбский, казнил около десяти Колычевых (в их число мог быть включен В. Умного-Колычев); далее, он говорит, что казнены были Василий и другие братья Бутурлины, но Дмитрий и Иван как раз казнены в 1575 г. Поэтому «осторожнее будет не отвергать датировки Ясинского».⁹ Но у Андрея Бутурлина было шесть сыновей, и, говоря о «братьях» Бутурлиных, Курбский мог иметь в виду Афанасия (похороненного у Троицы в 1571 г.), Михаила, а также других родичей Василия Андреевича.¹⁰ Таким образом, доводы Л. М. Сухотина не могут быть признаны убедительными.

М. Н. Тихомиров считает, что «Курбский поставил себе задачу описать жизнь Грозного от его рождения до времени написания „Истории“, т. е. до 1578 г.». Он верно отмечает, что перед нами «не чисто историческое сочинение, а памфлет, направленный против Грозного и написанный по заказу польско-литовских панов». Он высказывает предположение, что «Сказание о взятии Казани» в составе «Истории» «написано в виде особой повести, когда (вскоре после бегства короля Генриха Валуа в 1574 г. из Польши обратно во Францию) шла речь о кандидатуре Грозного на польский престол».¹¹

Для того чтобы разобраться в сложном вопросе о датировке «Истории о великом князе Московском», обратимся к тексту его предисловия «на книгу . . . Новый Маргарит». Здесь, действительно, Курбский пишет, что его соседи, когда он ушел с королевской службы, «хотящи ми выдрати данное ми имене з ласки королевские на препитание . . . Уже и слуги моего и брата превозлюбленного и вернаго¹² кровь пролияша и внезапно сии жизни сея разлучиша».¹³

10 июня 1572 г. Курбский жаловал слугу Михаила Калемета именем Секунь и Шушки, ранее принадлежавшим его брату Калемету Ивановичу, который был убит и «кровию своею запечатлел свое усердие ко мне».¹⁴ Итак, предисловие к Новому Маргариту написано вскоре после июня 1572 г.¹⁵ Прикинув время на составление «Истории» (около года), мы получим как раз весну—лето 1573 г.¹⁶

Эту же датировку можно установить на основании Синодика убитых в опричнину, который поместил в свой труд Курбский. Обычно автор сообщает о казнях бояр и княжат, не придерживаясь хронологической последовательности. Но вот записи о М. Воротынском и Н. Одоевском по-

⁷ Л. М. Сухотин. К пересмотру вопроса об опричнине, вып. II—VI. Белград, 1935, стр. 58.

⁸ Л. М. Сухотин. Еще к вопросу об опричнине. Белград, 1936, стр. 14.

⁹ Там же, стр. 15.

¹⁰ См. о них: С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана. — Проблемы источниковедения, т. III М.—Л., 1940, стр. 268—269.

¹¹ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., т. I. М., 1940.

¹² На полях Курбским приписано: «именем Иоанна Калымета наречением»

¹³ Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни, т. II. Киев, 1849, стр. 312

¹⁴ Там же, т. I, стр. 37.

¹⁵ Когда Курбский писал предисловие, замысел «Истории» у него уже созрел. Говоря о казнях, совершенных Иваном IV, он пишет: «. . . и инших же злых, еже слышах и видех, на целую книгу не исписал бых» (Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 307).

¹⁶ Курбский упоминает о пожаре Москвы 1571 г. (Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 306).

мещены в конце раздела о казнях представителей княжеских родов, а запись о М. Морозове находится в конце раздела о боярах.¹⁷ Все эти три крупных деятеля сложили свои головы летом 1573 г.¹⁸ Вероятно, когда до Курбского дошла весть об этих казнях, он вставил эти сведения в конце соответствующих разделов, потому что они были уже написаны, т. е. к лету 1573 г. «История о великом князе Московском» в основном была закончена. Это тем более вероятно, что сведения о казнях, происшедших позднее 1573 г., у Курбского отсутствуют.¹⁹

Одно сведение Курбского заслуживает специального анализа. Сообщив о казни П. М. Щенятева, он прибавляет: «также и единокольных братию его Петра, Иоанна, княжат нарочитых, погубил».²⁰ Речь идет о троюродных братьях Щенятева — боярах П. А. и И. А. Куракиных. Последний был насильственно пострижен в монахи в феврале 1565 г.²¹ П. А. Куракин прожил довольно долго и казнен был только около 1575 г.²² Курбский не имеет в виду, конечно, казни П. А. Куракина, ибо он не знает о гибели одновременно с ним окольничих Н. В. Борисова-Бороздина, Д. А. Бутурлина, В. И. Умного-Кольчева, Б. Д. Тулупова и др., Он говорит о том, что царь его «погубил» вместе с его братом князем Иваном (а не казнил). П. А. Куракин был отправлен в почетную ссылку с другими родичами в Казань уже весной—летом 1565 г.²³ До Курбского, очевидно, дошли слухи об исчезновении с арены кипучей московской политической жизни князя Петра, что и было им расценено как «погубление» П. А. Куракина.

Обстановка в Речи Посполитой, когда писалась «История», была тревожной. Летом 1572 г. умер король Сигизмунд Август. Конвокационный сейм постановил произвести элекцию (выборы) нового короля 5 апреля 1573 г. Среди претендентов на королевский престол упорно назывались Иван Грозный и его сын Федор. Русская кандидатура приобрела особенную популярность среди литовско-белорусской православной и польской католической шляхты. В сентябре 1572 г. литовские пань разные сообщили в Москву о предстоящей посылке туда Михаила Гарабурда для переговоров об избрании на польский престол царевича Федора.²⁴ В конце 1572 г. в Речи Посполитой приобрел широкое хождение анонимный памфлет «Ко всему шляхетству Польского королевства», пропагандировавший идею унии России с Польшей.²⁵ Это, конечно, беспокоило Андрея Курб-

¹⁷ РИБ, т. XXXI, стлб. 286, 309.

¹⁸ В апреле 1573 г. они были еще на береговой службе (Синбирский сборник. М., 1845, стр. 39; ЧОИДР. М., 1863, кн. 1, стр. 38).

¹⁹ Нет, например, известия о гибели В. И. Умного-Кольчева, погибшего в 1575 г., хотя рассказ о казнях Кольчевых довольно обстоятельный. Курбский сообщает о казни Крика Тыртова (РИБ, т. XXXI, стлб. 302). Тыртов встречается в последний раз в разряде конца 1572 г. (Синбирский сборник, стр. 38). Казнен он был до марта 1573 г., когда его бывшее поместье передается другому владельцу (Д. Я. Самоковасов. Архивный материал. М., 1905, стр. 72). Но Тыртов у Курбского помещен не в конце, а в середине раздела о казненных дворянах. Следовательно, когда он узнал о гибели (а это могло быть весной 1573 г.), «История» не была еще написана.

²⁰ РИБ, т. XXXI, стлб. 283.

²¹ ПСРА, т. XIII, ч. 2. СПб., 1906, стр. 395—396.

²² С. М. Соловьева. История России, кн. II. Изд. «Общественная польза», СПб., б. г., стлб. 180. Дата Пискаревского летописца (1572/73 г.), как и многие другие его хронологические указания, ошибочна (О. А. Яковлева. Пискаревский летописец. — В кн.: Материалы по истории СССР, т. II. М., 1956, стр. 81).

²³ П. Н. Миллюков. Древнейшая разрядная книга. М., 1901, стр. 555.

²⁴ Акты Западной России, т. III. СПб., 1848, № 56.

²⁵ Подробнее см.: Л. А. Дербов. К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572—1576). — Ученые записки Саратовского университета, т. XXXIX. Саратов, 1954, стр. 192, 194.

ского, понимавшего, что если Иван IV получит польскую корону, то ему не миновать царского гнева. 16 марта 1573 г. Курбского избирают депутатом от Волыни на элекционный сейм.²⁶

В такой обстановке князь Андрей и решил написать свой обличительный трактат о злодеяниях московского великокняжеского «издавна кровопийственного рода», о тирании Ивана IV, как бы предостерегая излишне доверчивых шляхтичей от радужных надежд, с которыми связывалось у них представление о грозном царе-москвитине. Свое произведение Курбский излагал в виде ответа на расспросы об Иване Грозном.²⁷

Впрочем, непосредственного отклика в Польше на «Историю» нам не известно. В мае 1573 г. на заседании сейма королем избирается Генрих Валуа. Русская кандидатура, не обсуждавшаяся на этом сейме (русские представители на сейм не приехали), вскоре после бегства Генриха во Францию снова стала предметом жарких споров и всевозможных политических расчетов. Видимо, «История» князя Андрея не имела успеха, и навязчиво тенденциозный рассказ автора мог вызвать к себе только недоверие.

²⁶ Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни, т. I, № XV.

²⁷ «Много крат ото многих светлых мужей вопрошаем бых с великим стужанием: „Откуды сия приключишася, так прежде доброму и нарочитому царю, многажды за отечество и о здравии своем не радящу?“» (РИБ, т. XXXI, столб. 161).